

Пальмер Арабелла

Хижина дяди Тома

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А79

А79 **Арабелла П.**
Хижина дяди Тома / Пальмер Арабелла – М.: Книга по Требованию, 2022. –
96 с.

ISBN 978-5-521-27156-6

ISBN 978-5-521-27156-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕРВОЕ УТРО

— Большая, большая новость! — воскликнул десятилѣтній мальчикъ, съ живостью отворяя дверь классной компаты, гдѣ двѣ небольшія дѣвочки, немного постарше его, серьезно занимались своими уроками.

— Послушай, Эдуардъ, — сказала Софія, не отрывая глазъ отъ тетради, — если ты и сегодня приходишь мѣшать нашимъ занятіямъ...

— И будешь рассказывать намъ о твоихъ шалостяхъ, — прервала Елена, — то предупреждаю тебя, что мы будемъ принуждены пожаловаться мамѣ.

— Непремѣнно, — отозвалась Софія, поворачивая голову къ Эдуарду.

— Довольно! забудьте о моихъ прошлыхъ глупостяхъ, здѣсь идетъ дѣло о вещи очень интересной.

— Въ самомъ дѣлѣ? — спросила Софія, любопытство которой начало возбуждаться.

— И за которую обѣ вы, ручаюсь папередъ, будете мнѣ признательны: дѣло идетъ о «*Жизни для Тома*».

— О «Хижинѣ Дяди Тома»!—воскликнули обѣ дѣвочки вмѣстѣ.

— Да, мама сказала мнѣ, что получила наконецъ эту прекрасную книгу, о которой всѣ говорятъ такъ много и которую всѣ желаютъ прочесть.

— Ты заслуживаешь, чтобы мы обѣ обняли тебя, Эдуардъ, за эту пріятную новость,—сказали разомъ сестры.

Въ это время вошла госпожа Пальмеръ.

— Хорошо, дѣти мои; мнѣ очень пріятно, что вы постоянно дружны.

— О, мама,—сказала Софія,—Эдуардъ объявилъ намъ, что ты получила *Хижину Дяди Тома*, сочиненіе госпожи Стоу.

— И я принесла ее вамъ, милые мои дѣти, чтобы тотчасъ-же начать чтеніе вмѣстѣ. Однако сначала надо вамъ начать съ письма, которое эта добрая и умная дама собственноручно написала всѣмъ англійскимъ и американскимъ дѣтямъ.

— О, прочтите намъ это письмо, милая мамелька!—поспѣшили воскликнуть Эдуардъ и его сестры.

— Вотъ оно:

«Милые дѣти Англійи и Америки!

Одинъ изъ моихъ добрыхъ друзей приспособилъ къ вашему юному возрасту книгу *Хижина Дяди Тома* и просилъ меня сказать вамъ, въ видѣ предисловія, нѣсколько словъ объ этой хижинѣ.

Постараюсь рассказать вамъ, какимъ образомъ появилась на свѣтъ эта книга:

Давно еще, прежде чѣмъ хоть одно слово было написано о *Хижинѣ Дяди Тома*, происшествіе это рассказано было въ одномъ собраніи дѣтей: этотъ-то изустный рассказъ былъ затѣмъ записанъ. Такимъ образомъ *Хижина Дяди Тома* по праву принадлежитъ дѣтямъ.

Въ милой маленькой Евѣ я изобразила портретъ дѣвочки-христіапки. Научитесь у нея, дѣти мои, быть добрыми ко всѣмъ вашимъ ближнимъ, въ особенности къ убогимъ и покорнымъ; научитесь у нея говорить всегда съ кротостью и дѣлать столько добра, сколько будете въ силахъ.

Ева покажется вамъ очень милою и доброю; но было нѣкогда дитя, еще добрѣе и кротче: это нашъ Божественный Спаситель, Котораго всѣ мы обожаемъ, обладавшій дѣтскою простотою сердца, незапятнанною даже помысломъ грѣха. Теперь сидитъ Онъ одесную Отца; но Онъ постоянно помнитъ, что былъ нѣкогда малымъ ребенкомъ, и что Онъ сказалъ въ зрѣломъ возрастѣ: «Не препятствуйте дѣтямъ приходить ко Мнѣ, потому что имъ принадлежитъ царство небесное».

Просвѣщенные Его любовью и паставленіями, дай Богъ, чтобы всѣ вы сдѣлались, подобно Ему, кроткими, чистыми и добрыми».

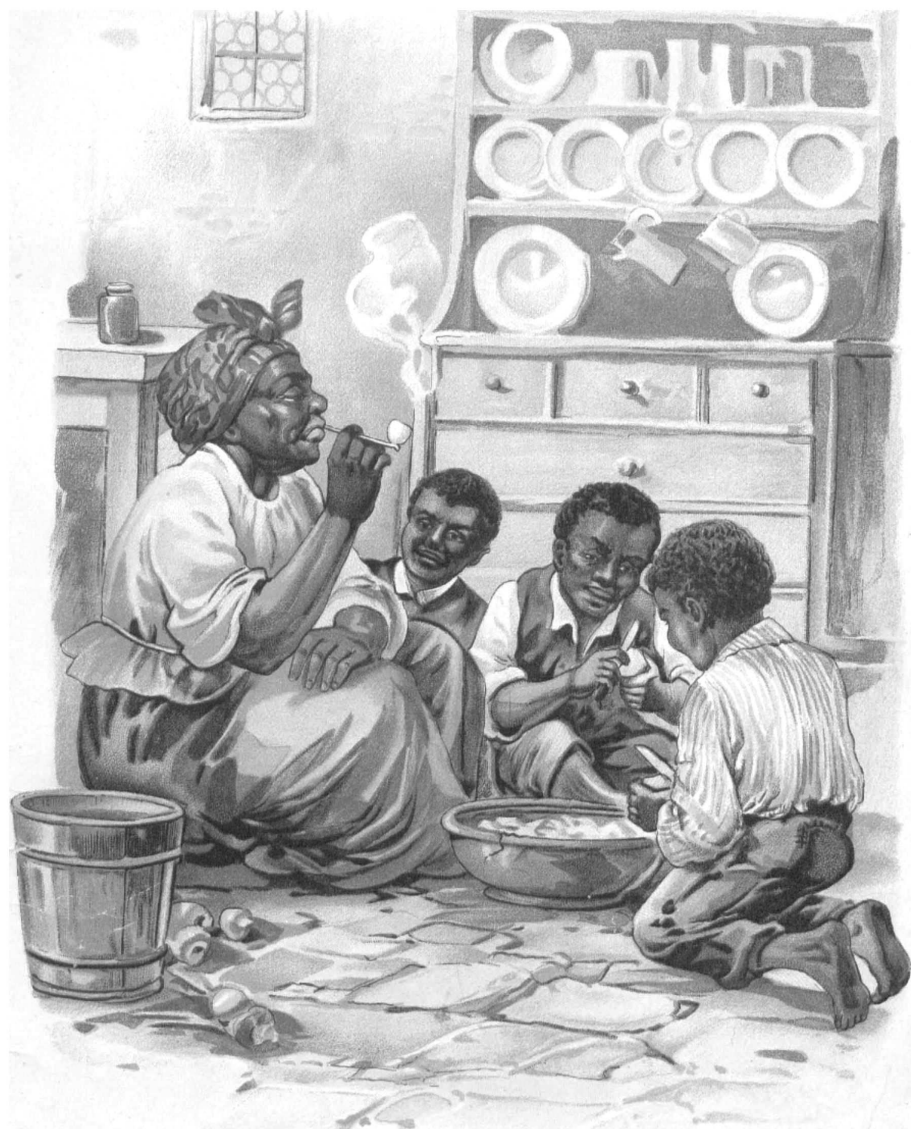
— О, то, что ты намъ прочитала, еще сильнѣе возбуждаетъ въ насъ желаніе услышать *Хижину Дяди Тома*.

Госпожа Пальмеръ. Прежде чѣмъ начну чтеніе *Дяди Тома*, я скажу вамъ нѣсколько словъ объ Америкѣ, гдѣ происходитъ наша повѣсть. Америка открыта въ 1492 году генуэзцемъ Христофоромъ Колумбомъ, при помощи королевы Изабеллы Кастильской, склонившей супруга своего, Фердинанда Аррагонскаго, пособить знаменитому мореплавателю. Въ 1497 году флорентинецъ, по имени Америго Веспуччи, поѣхалъ туда и утверждалъ, что онъ первый открылъ материкъ и назвалъ своимъ именемъ эту богатую часть свѣта.

Кентукки, гдѣ мы найдемъ дядю Тома при началѣ нашего разсказа,—штатъ, или провинція по соедѣству съ штатомъ Виргиніи, окруженъ на западѣ рѣкою Огіо.

Канада, о которой также будетъ здѣсь упомянуто,—обширная страна Сѣверной Америки. Въ 1604 году, черезъ сто лѣтъ послѣ открытія ея бретонскими рыбаками, французы начали тамъ селиться постоянно: Генрихъ IVъ выслалъ туда цѣлую колонию. Въ 1763 году Канада уступлена Англіи.

Послѣ этого начинаю нашу повѣсть о *Хижинѣ Дяди Тома*.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА

Дядя Томъ жилъ въ Кентукки. Хозяиномъ его, г. Шельби, былъ прекрасный человекъ; но, задолжавъ очень, былъ принужденъ, какъ увидите послѣ, продать Тома для уплаты долговъ.

Вотъ хижина дяди Тома. Это небольшое деревянное строеніе. Идемъ туда. Тетушка Хлоя, жена Тома, занимается приготовленіемъ ужина добряку Тому. Иногда она присаживается на полъ выкурить трубочку, наблюдая въ то-же время, какъ дѣти ея усердно чистятъ овощи надъ большой чашкой. Голова Хлои повязана большимъ, пестрымъ, накрахмаленнымъ платкомъ, изъ-подъ котораго круглое лицо ея лоснится такъ, что можно подумать, будто-бы она намазала его личнымъ бѣлкомъ, какъ и свои бисквиты. Тетушка Хлоя очень гордится своимъ искусствомъ поварихи—еще-бы, она слыветъ лучшей кухаркой на десять миль въ окрестности.

Въ углу хижины, противъ печки, стоитъ столъ, немного искривившійся и уставленный раскрашеною посудой, что доказываетъ ожиданіе гостей.

За столомъ сидитъ дядя Томъ, лучший работникъ на плантаціи господина Шельби и герой нашей повѣсти.

Дядя Томъ—мужчина высокаго роста, сильный, съ широкою грудью; лицо его черно, какъ черное дерево, а крушныя и выразительныя черты свидѣтельствуютъ о твердости и здоровомъ умѣ, соединенныхъ съ добротою сердца. Все въ немъ обнаруживаетъ уваженіе къ самому себѣ и сознаніе врожденнаго достоинства при покорности и довѣрчивой простотѣ.

Смотрите, съ какою заботливостію, сидя у стола, дядя Томъ усиливается написать нѣсколько буквъ изъ прописи, подъ надзоромъ Жоржа Шельби, милаго тринадцатилѣтняго мальчика.

— Не такъ, дядя Томъ,—говоритъ съ живостію мальчикъ, видя, что старый ученикъ его выводитъ въ противоположную сторону хвостикъ *g*,—вмѣсто *g* ты пишешь *q*.

Почтительно выслушавъ объясненія молодого учителя, который, впрочемъ, для примѣра ученику, написалъ нѣсколько *g* и *q*, дядя Томъ попялъ разницу въ формѣ двухъ буквъ и, взявъ снова толстыми своими пальцами карандашъ, положенный было на столъ, терпѣливо принялся за работу. Начертивъ нѣсколько *g* какъ слѣдуетъ, онъ весело воскликнулъ:

— Не правда ли, господинъ Жоржъ, я написалъ хорошо?

— Ну, тетушка Хлоя,—сказалъ Жоржъ,—я

начинаю чувствовать голодъ; скоро-ли испекутся бисквиты?

— Испекутся? Нѣтъ еще, господинъ Жоржъ,— отвѣчала тетушка Хлоя,—но они уже начинаютъ отлично зарумяниваться.

Наконецъ Жоржъ сѣлъ ужинать съ дядей Томомъ; потомъ тетушка Хлоя, напекши довольно бисквитовъ, которые уложила красивымъ столбомъ, взяла на колѣни маленькую дочь, еще въ пеленкахъ, и начала ей панихивать ротикъ бисквитами, а послѣ и себя не забыла. Въ то-же время два небольшіе мальчика, Петръ и Джозефъ, кувыркались подъ столомъ, съ кусками бисквитовъ въ рукахъ то щекоча другъ друга, то дергая маленькую сестрицу за ножки. Наконецъ, посадивъ малютку на плечо, дядя Томъ началъ тапсовать съ нею, тогда какъ Жоржъ хлопалъ концомъ платка, а Петръ и Джозефъ, прыгая вокругъ, ворчали какъ медвѣжата. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока всѣ не устали. Тогда тетушка Хлоя сказала:

— У меня уже голова трещитъ отъ вашего шума! Надѣюсь, что вы кончили, потому что сегодня вечеромъ у насъ будетъ собраніе.

Собранія эти происходили еженедѣльно въ хижинѣ дяди Тома.

Едва тетушка Хлоя договорила послѣднее слово, какъ въ хижину вошли негры господина Шельби: старики, пожилыя женщины, парни и молодыя дѣвушки. Они сперва молились, потомъ пѣли, потому что негры любятъ музыку и имѣютъ пѣсни своего

сочиненія, которыя они приспособили къ гимнамъ «о Небесномъ Іерусалимѣ» и о единственной землѣ свободы—«землѣ Хапаанской», въ которую войти они сгораютъ отъ нетерпѣнія. Они распѣвали отъ искренняго сердца эти гимны: одни смѣялись, другіе плакали, пожимая другъ другу руки. Послѣ пѣнія и молитвы, добрые негры, собравшіеся вокругъ Жоржа, просили его еще остаться съ ними и прочесть имъ что-нибудь. Жоржъ избралъ послѣднюю главу «Откровенія» и, по мѣрѣ чтенія, объяснялъ имъ, потому что мать съ особенной заботливостью учила его религіи. Обязанность эту онъ исполнилъ чрезвычайно удовлетворительно для своихъ слушателей, которые объявили, что онъ «въ самомъ дѣлѣ говоритъ удивительно ясно, такъ что и духовный лучше не разъяснилъ бы». Потомъ дядя Томъ прочелъ молитвы «хорошо до превосходства», какъ сказалъ одинъ старый, добрый негръ, потому что, возносясь къ Богу, сердце его было переполнено чувствомъ. Въ то время, когда дядя Томъ читалъ молитву, нѣкоторые негры изрѣдка присоединяли къ ней и свои голоса, потому что въ дѣлѣ религіи считали его какъ-бы патріархомъ. Собраніе это продолжалось до глубокой ночи; наконецъ все разошлось, и каждый негръ удалился въ свою избушку. Дядя Томъ читалъ еще библію, а взявъ его сидѣли дѣти и тетюшка Хлоя. Легкій стукъ въ окно хижины, въ такую позднюю пору, заставилъ ихъ вздрогнуть: все бросились отворять дверь, въ которую вошла Элиза, горничная госпожи